

В черном зале сиял черный свет.

Черный, яркий свет.

Это лексика, которая вообще не должна сочетаться, и она не должна сосуществовать. Но в этом черном, черном, густонасыщенном зале черный свет действительно существует, и он сияет с вершины зала, освещая все в нем.

Густой черный смог рассеивается, обнажая вырезанный во дворце черный нефрит, а на облачном диване - десятки тысяч голов и фениксов, переплетенных между собой. С вершины облачной кушетки, словно стрекоза, свисает черный свет, и его окружает совершенное тело на облачной кушетке.

Совершенное тело, не может найти никаких изъянов, нет в мире языка, способного описать ее совершенство.

Потому что она слишком совершенна, эта туша даже вызывает у людей ложное чувство - все не настоящее, включая каждый волосок на ее теле, как банши в кошмаре, чарующем, психоделическом, о... есть сильный ужас.

Гун Сун улыбнулся и подошел к облачной кушетке. Он легко сказал: "Минг Мо, вспомни, что я тебе о ней рассказывал! Эта женщина - не что иное, как хорошая вещь. Она естественным образом родила врожденный свет. !"

Совершенное тело, прислонившееся к облачной кушетке, тихо фыркнуло: "Эй, о чем ты говоришь, этот маленький любовник? Эй, маленький любовник парит, ты гордишься? Ты Шаоцзюнь, самый гордый из Сынов Западного Императора, что ты делаешь с моей маленькой слабой женщиной?"

На лице Гунсуня появилась улыбка, и он наклонился к облачной кушетке. Он протянул руки и нежно взял женщину за нефритовые руки.

"Она, как может быть моей возлюбленной? Ты знаешь, ты понимаешь, я не передал тебя, она просто инструмент".

На облачной кушетке сидит прекрасная девушка, родившаяся в 28-м году Китая, красивая и безупречная.

Она тихо откинулась на облачную кушетку и позволила мужу взять ее за руки, очень холодно, очень пустынно, очень холодно, с оттенком скучной обиды мягко вздохнула: "Эй... инструменты Теряя твои благословения, чтобы дать ей великий свет, чтобы научить ее многому, Баба воспитал ее!"

Колени Гун Сунцзюня лежат на боку облачной кушетки!

Гун Сунцзюнь действительно стоит на коленях на краю облачной кушетки!

Он был так ошеломлен, что даже вырос, не то что его отец!

Он присел на корточки на краю облачной кушетки и, нежно посмотрев на девушку, сказал: "Ты знаешь, ты знаешь, я объяснил тебе, она просто инструмент... ты и мой ребенок, рожденный Темной Евхаристией. Если он сможет вырасти в теле Мингмо, то его таланта... хватит, чтобы он попал в поле зрения большого человека!".

Волнение Гунсуня разлилось по всему его телу. Он слегка дрожал, его низкий голос: "Пока наш малыш, я могу поклоняться ему как учителю, ха, ха... твоё будущее - не только император Неба."

Девушка усмехнулась: "Разве это трудно сделать, разве ты можешь властвовать над небесами? Ты позволишь мне... послать ребенка, который еще не сформировался в животе, в живот других женщин и согреть его... О, если ты передашь его, не так ли, я Что за почетная личность не может даже прокормить своего собственного ребенка?"

Не обращая внимания на явную нарочитость и неловкость слов девушки, Гунсунь с улыбкой сказал: "Это больше, чем небесный суд, может быть, мы с тобой сможем оторваться от этой стороны небес... достичь большего! Ты знаешь, твоё происхождение, ты знаешь, что пять императоров и пять императоров, в конце концов, всего лишь рабы тех, кто стоит за Небесными Солдатами!"

Сжав кулаки, Гунсунь сказал низким голосом: "Ты, мой отец, и все вы, и я, кажущиеся благородными и несравненными, всего лишь слуги ужасного существования! Мы всего лишь "пастухи", пусть пасутся поодаль!"

Сделав глубокий вдох, Гунсунь встал и сел на облачную кушетку. Он улыбнулся и обнял девушку за талию. "Но большой человек, он настоящий большой человек... Если это наш ребенок, я могу поклоняться. Он учитель... хе-хе!"

Девушка тихонько фыркнула и закатила глаза.

Гунсунь вздохнул и негромко сказал: "В любом случае, мы с тобой остаемся родителями наших детей. Детей, которых ты родила мне, десять и десять - это темные священные тела. Эти квалификации также редки и редки, но для взрослых. Слова, но это ничто".

Сделав глубокий вдох, голос Гунсунь не вольно повысился на несколько тонов: "Темная Евхаристия - это ничто, но если врожденное темное священное тело может поглотить врожденный большой свет тела Мингмо, Наши дети - врожденные и темные боги!"

"Абсолютно противоположные силы света и тьмы идеально слились в одно целое, указывая на небеса и проспекты земли, и все вещи являются производными." Гунсунь поспешно сказал: "Наш малыш, обязательно будет замечен взрослыми, станет взрослым. Ученик... Эй, идиот Сюаньюань, когда я не знаю инь и ян его руки, инь и ян пяти стихий составляют богов?"

"Инь и ян пяти элементов составляют яйца, хотя это лучшее, но где мы можем сравниться с квалификацией наших детей?"

"Пока наш ребенок может стать учеником этого взрослого, не только это небо, ты и я можем контролировать в будущем, по крайней мере, поле этого неба в сто раз или даже в миллион раз!"

Внук внука тихонько кричит, девочка очень сдержанная, очень искусственная, и время от времени издаёт несколько неохотных гулов.

Гунсунь Янь также сотрудничал с темпераментом девушки, и ей стало легче от ласковых слов.

Как раз когда вы кричали на меня, раздались торопливые шаги, и в зал вошел мужчина, одетый в черное, с полным телом, покрытым слоем темного тумана.

The fine man's
.

Облачный диван *** взволнованно сел и поднялся, наблюдая, как прекрасный человек смеется и спрашивает: "Что с ней случилось? Перед восхождением ее погубил гром?".

Беспомощный взгляд Гунсуня в потолок, поэтому он преувеличенно вздохнул!

Прекрасный человек некоторое время молчал, его тело слегка укоротилось, и он сказал: "Она... была поймана своей жизнью. Теперь она взяла заложника, и ей противостоит маршал Цан Цан... Капитан Цан уже наложил тяжелую руку, кажется, она не колеблется Жизнь, но и убить вора, который похитил ее!"

Облачный диван **** лег обратно на облачный диван. Это был преувеличенно долгий вздох облегчения: "Эй... Я не закрывал глаза долгое время, но это было немного устало... Я послал чашу ледяного костра. Лотос идет! Эй, эй, эй!"

Одним словом, девушка действительно не могла удержаться от смеха.

Очевидно, Мингмо не повезло, она очень счастлива, не передать словами счастье.

Беззвучно и непрерывно, весь зал превратился в пепельную муху, и нежный смех Гунсунь пел сквозь облака: "Эй? Есть такая вещь? Ведущий вперед, я собираюсь убить его".

<http://tl.rulate.ru/book/5788/2235302>